

ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА
В СОВРЕМЕННОМ ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

Шведский язык, подобно другим скандинавским языкам, первоначально имел четырехпадежную систему склонения имен существительных. Однако уже в период позднего древнешведского (1375–1526) в системе склонения существительных происходит ряд преобразований, в результате которых к концу этого периода в языке большей части территории Швеции сохраняются только 2 падежные формы: основной, или общий, и родительный падежи. При этом окончание родительного падежа *-a*, свойственное ранее только существительным мужского и среднего рода с основой на *-a* в единственном числе, вытесняет другие окончания родительного падежа и становится единственным окончанием родительного падежа для всех слов и форм. Общий падеж характеризуется отсутствием падежной флексии.¹ В современных германских языках грамматические отношения, в том числе и падежные, получают свое выражение преимущественно не в морфологических элементах, являющихся частью слова, а в элементах, находящихся за рамками простого слова – в предлогах, порядке слов и т.д.² Это положение полностью справедливо в отношении шведского языка, и естественно, что флективный родительный падеж, сохранившийся в современном языке и являющийся широкоупотребительным, представляет особый интерес для исследования.

Аналогичные изменения произошли и в падежной системе датского, норвежского и английского языков. Состояние флективного родительного в датском и норвежском языках близко к шведскому. Что касается английского языка, то единой точки зрения на характер падежной системы в этом языке нет. Языковеды выделяют здесь от 2 до 5 падежей,³ а некоторые из них вообще отрицают существование в современном английском языке падежной системы.⁴ "Языковые процессы, действовавшие в системе имени в древне- и среднеанглийский периоды, – считает А.М. Мухин, – привели не к сокращению числа падежей существительного, а к полному их разрушению".⁵ Остаточная флексия родительного падежа *-(e)* в, по мнению Мухина, переосмысливается как по-

казатель притяжательности, что привело к появлению новой грамматической категории имени существительного — категории принадлежности вместо категории падежа.

Существование в шведском, датском и норвежском языках двупадежной системы не вызывает сомнений, однако имеются разные взгляды на то, что представляют собой словосочетания с родительным падежом и что они выражают, по-разному проводится их семантический анализ. Проблемы, связанные с анализом таких словосочетаний, и составляют предмет данной статьи.

Прежде всего следует отметить отсутствие единства терминологии, используемой при анализе родительного падежа, как у советских, так и у шведских лингвистов. Поскольку родительный падеж выражает синтаксические связи, целесообразно рассматривать не отдельные слова в родительном падеже, а генитивные словосочетания. Шведские грамматисты (Бекман, Вессен, Тураль), говоря о родительном падеже (*genitiv*), имеют в виду выражаемые падежом отношения, т.е. семантику генитивного словосочетания, не дифференцируя синтаксических отношений и форм их выражения. А.Питкянен пользуется термином "биномиальные генитивные гипотазы", однако обозначает им не только сочетания присубстантивного генитива с определяемым существительным, но и эквиваленты сочетания с генитивом — предложные конструкции, такие, как *taket på huset* вместо *husets tak* "крыша дома"; сложные слова: *husetaket* (такое слово не выражает нового понятия, а только передает определенные синтаксические отношения); атрибутивные словосочетания: *Bergstralaka huset* "дом Бергстрала" и т.д.⁶ В отличие от А.Питкянена, мы будем пользоваться термином "генитивное словосочетание", имея в виду только словосочетание, состоящее из существительного в родительном падеже и определяемого им слова (падежные формы местоимений рассматриваться не будут). Необходимость терминологически отграничить словосочетания с родительным падежом от других грамматических средств, передающих аналогичные синтаксические отношения, вытекает из принятой нами концепции "Русской грамматики" АН СССР, где категория падежа понимается как "словоизменительная категория имени, выражающаяся в системе противопоставленных друг другу рядов форм и обозначающая отношения име-

ни к другому слову (словоформе) в составе словосочетания или предложения".⁷ Аналогично определяется категория падежа и шведским грамматистом У. Турелем.⁸ Члены генитивного словосочетания могут быть обозначены по-разному. Так, А. М. Пешковский пользуется терминами "управляющее" и "управляемое" существительные,⁹ в лингвистической литературе более позднего времени встречаются термины "определяемое и определяющее",¹⁰ определяемое слово иногда называют "стержневым", "опорным" словом или "главным компонентом".¹¹ Шведские грамматисты чаще всего используют термины huvudord "главное слово" и genitivattribut "генитивное определение".¹² А. Питкянен пользуется терминами kärnled "ядерный член" и attribut "атрибут, определение".¹³ В статье существительное в родительном падеже будет называться определяющим, а второй член генитивного словосочетания — определяемым.

Основой семантического анализа родительного падежа является общая теория падежа, в развитии которой наблюдаются 2 основных направления:

1. С древних времен ученые пытались определить "общие значения" падежей, считая, что одна и та же система форм должна передавать какой-то общий смысл. В современном языкознании эта идея имеет своих сторонников (Якобсон, Караулов, Чешко),¹⁴ полагающих, что все частные значения падежей могут быть сведены к одному общему или инвариантному значению.

2. Уже в конце XIX в. ряд языковедов высказывает другую точку зрения, говоря об относительной независимости падежных значений от морфологических средств их передачи. Важнейшую роль для развития этого направления играли работы А. А. Потемби, в которых он выступал за разграничение "формального значения" падежа и его внешнего морфологического знака, понимая под формальным значением особый тип синтаксической связи. Метод, предложенный Потемби, сохраняет свою актуальность: многие современные исследователи падежей исходят из невозможности изучения падежных значений в отрыве от синтаксических функций падежей.

Шведский ученый А. Нурен первым в начале XX в. сделал попытку рассмотреть совокупность так называемых "падежных зна-

чений" вне зависимости от характера их передачи языковыми средствами. Для строгого разграничения морфологических средств выражения и передаваемых ими семантических отношений он использует 2 разных термина, называя первые падежами (*casus*), а вторые статусами (*status*). Но к морфологической категории падежа Нурен отнес практически все формальные грамматические средства: средства выражения числа и рода, словообразовательные суффиксы и целые словосочетания. Эту сторону теории Нурена подверг критике М.И.Стеблин-Каменский, считая, что падеж в его концепции "вообще ликвидируется как грамматическая форма".¹⁵ В то же время введение в падежную теорию понятия "статус" было одним из главных достижений Нурена, несмотря на то, что, анализируя статусы, он абстрагируется от их грамматического выражения, чем фактически сводит анализ к перечислению различных логических отношений, выражаемых в языке. (В дальнейшем мы также будем называть падежные значения статусами, хотя в рассматриваемых грамматиках этот термин не используется.) Уже сам принцип построения падежной концепции Нурена отрицает идею "общего значения". К отрицанию этой идеи приходит и М.И.Стеблин-Каменский, который видит возможность определения грамматического значения падежа только в определении "всего составляющего его комплекса частных значений, а тем самым и того лексического материала, в котором это значение реализуется".¹⁶ В современных грамматиках шведского языка нет стремления найти "общее значение" родительного падежа. А.Питкянен ставит вопрос об основном значении генитива и приводит мнения других ученых по этому вопросу, не формулируя четко собственной позиции. В своих выводах он ограничивается следующей характеристикой шведского генитива: "Генитив — это языковое средство выражения, которое: 1. указывает на то, что денотат ядерного члена является своего рода "принадлежностью" денотата генитивного атрибута; 2. в определенных случаях обозначает эквивалентность между данными денотатами; 3. в части случаев характеризует или модифицирует понятие ядерного члена".¹⁷

Отказавшись от поисков "общего значения" генитива, обратимся к рассмотрению его семантики в современном шведском языке. В грамматиках современного шведского языка нет полного

единства в характеристике значений родительного падежа. Классификация Б.Коллиндера,¹⁸ перечисляющего статусы генитива, выглядит следующим образом: 1. Генитив выражает принадлежность денотата определяющего денотату определяемого (hundens ägare "владелец собаки"). 2. Денотат определяющего является владельцем денотата определяемого (Kalle's hund "собака Калле"). 3. Генитив передает отношения части и целого (husets tak "крыша дома"). 4. Генитив субъекта (Caesars död "смерть Цезаря"). 5. Генитив объекта (Jerusalem's förstöring "разрушение Иерусалима"). 6. Определяющий или поясняющий генитив (Stockholms stad "город Стокгольм").

У.Тураля¹⁹ объединяет статусы, выражаемые родительным падежом, в две большие группы: 1. Отграничивающий генитив (определяющее отвечает на вопросы чей? чьи?). 2. Описательный генитив (определяющее отвечает на вопрос какой?). В 1-й группе выделены: притяжательный генитив, генитив субъекта и объекта, а во 2-й группе — генитив свойства (en tredje klassens krog "третьеразрядный кабаk"), генитив меры (ett par timmars sömn "сон, длившийся несколько часов"), поясняющий генитив и эмфатический генитив (alla tiders match "всем матчам матч").

Классификация Н.Бекмана²⁰ отличается от предыдущих уже самым принципом, так как в ее основе лежит синтаксическая функция определяющего в родительном падеже: I. Генитив в функции определения. II. Генитив в функции предикативного члена. III. Генитив в функции приложения, постпозитивного определения к генитивному словосочетанию. Рассмотренным ранее классификациям здесь соответствует I-я группа, внутри которой выделены следующие статусы: 1. Денотат определяющего является владельцем денотата определяемого, 2. Генитивное словосочетание передает взаимосвязь другого рода: генитив субъекта, объекта, меры, свойства и поясняющий генитив.

А.Питкянен проводит гораздо более детальный анализ статусов генитива, существенное место в котором занимает флективный родительный, хотя он и не рассматривается обособленно. А.Питкянен выделяет 6 больших групп: притяжательный генитив (самая большая); генитив связи, партиципный генитив, описательный генитив, идентифицирующий генитив и отдельные случаи употребле-

ния. На основании статистического исследования, проведенного на очень большом материале (800 000 словупотреблений) как в диахроническом, так и в синхронном плане, Питкянен приходит к выводу, что флективный родительный особенно часто употребляется при притякательном генитиве, генитиве субъекта, описательном и идентифицирующем генитиве и, напротив, употребляется редко при генитиве объекта, партиципном генитиве и генитиве следствия. В этих случаях чаще используются его эквиваленты. Проведенный А.Питкяненем анализ убедительно показывает широту употребления генитивных словосочетаний в современном шведском языке при самом разнообразном лексическом значении компонентов, составляющих эти сочетания. Хотя материалы диахронического исследования А.Питкянена и показывают, что по сравнению с периодом 1878-1941 гг. удельный вес флективного родительного несколько снизился во всех семантических группах, анализ примеров 1941-1976 гг. демонстрирует его несомненную устойчивость в литературном шведском языке наших дней. Рассматривая примеры из художественной литературы, А.Питкянен останавливается на конце 60-х годов. Представляется интересным выяснить, как используется флективный родительный в текстах конца 70-х - начала 80-х годов. В качестве примера нами были взяты 2 разноплановых романа 1980 г. и пьеса 1975 г. (драматургические произведения Питкяненем не анализировались). Методом сплошной выборки из научно-фантастического романа П.Йершильда "Живая душа"²¹ (8,5 п.л.) было выписано 219 генитивных словосочетаний, из социального романа М.Андерссона "Мария из Бюстакусен" (13 п.л.)²² - 222, из пьесы П.-У.Энквиста "Ночь трибед" (3 п.л.)²³ - 63 генитивных словосочетания. При семантическом анализе примеров оказалось, что здесь представлены почти все группы Питкянена, хотя далеко не одинаково в количественном отношении. Так, в романе М.Андерссон наиболее широко представлен генитив принадлежности (43%), то же можно сказать и о пьесе (ок. 30%). Это совпадает с результатами А.Питкянена. Роман П.Йершильда дает несколько другую картину: различные виды генитива принадлежности представлены здесь в 29% сочетаний, а 44% примеров относятся к партиципному генитиву, что находится в противоречии с мнением

А.Питкянена о малой употребительности флективного родительного в этой группе. Возможно, такой большой удельный вес партитивного генитива в этом романе объясняется спецификой его содержания и лексики, так как действие происходит в биологической клинике будущего, и 32% примеров партитивного употребления передает отношения между частями тела. Интересно отметить, что и в романе М.Андерссон 30% словосочетаний представляет эту же группу, а в пьесе найдено только 4 примера. Оба романа подтверждают мысль А.Питкянена о редком использовании генитива объекта (1 пример у М.Андерссон), в пьесе же эта группа (4 примера) — пятая по величине. В романе П.Нериньльда и в пьесе примерно в 18% всех примеров определяющим служит имя собственное, а в романе М.Андерссон таких примеров более половины, что также согласуется с выводами А.Питкянена.

Проведенный анализ подтверждает мысль о широком использовании генитивных словосочетаний, а следовательно и об устойчивости приименного родительного в шведском языке наших дней.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы:

Позиции родительного падежа в системе современного шведского языка по-прежнему являются прочными. Основываясь на анализе работ А.Питкянена, шведских грамматик и материалов, подчеркнутых из современной художественной литературы, можно сказать, что генитивное словосочетание в шведском языке наших дней является живой и важной грамматической конструкцией.

Возможность распределения генитивных словосочетаний по такому большому числу семантических групп, как это сделано Питкяненем, подтверждает мысль о том, что невозможно выделить "общее значение" родительного падежа, поскольку его значения очень разнообразны и несводимы к единому инварианту.

Хотя неоднократно высказывалась мысль, что генитив чаще всего выражает отношения принадлежности, анализируемый материал не подтверждает этот тезис полностью.

В генитивных словосочетаниях родительный падеж почти всегда выступает в одной и той же синтаксической функции — функции определения, хотя она и не является, как это показывает Бекман, единственной функцией родительного падежа в шведском языке.

Примечания

- 1 W e s a e n E. Svensk språkhistoria. Stockholm, 1958, s. 120.
- 2 K n i s s e n T. Kausalsæge, bd 1. Oslo, 1976, s. 9.
- 3 В о р о н ц о в а Г.Н. Очерки по грамматике английского языка. М., 1960, с. 179.
- 4 И в а н о в а И.П. и др. Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981, с. 27; Б ж к о в а Р.В. К проблеме падежа существительного в современном английском языке: Автореф. канд. дис. М., 1962, с. 21; В о р о н ц о в а Г.Н. Указ. соч., с. 181.
- 5 М у х и н А.М. О категории падежа в современном английском языке. - В.Я., 1957, № 2, с. 30.
- 6 P i t k ä n e n A. Binominala genitiviska hypotagmer i yngre nysvenska. Tammerfors, 1979, s. 5.
- 7 Р у с с к а я г р а м м а т и к а АН СССР. М., 1980, с. 474.
- 8 T h o r e l l O. Svensk grammatik. Stockholm, 1973, s. 45.
- 9 П е ш к о в с к и й А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, с. 301.
- 10 В о з н и ц я В.М. Функции родительного падежа в современном немецком языке. Автореф. канд. дис. Львов, 1963, с. 12.
- 11 Б р е д и х и н а В.П. Строение и функции словосочетаний с применением родительным падежом в современном английском языке: Автореф. канд. дис. Алма-Ата, 1961, с. 6, 10.
- 12 В е с к м а n N. Svensk språklära. Stockholm, 1964, s. 40; T h o r e l l O. Op. cit., s. 46.
- 13 P i t k ä n e n A. Op. cit., s. 5.
- 14 Я к о б с о n P. Морфологические наблюдения над славянским склонением. в'Gravenhage, 1958, с. 5; Ч е ш к о Б.В. К вопросу о падежных корреляциях. В.Я., 1960, № 2, с. 51; К а - р а у л о в И.Н. К вопросу о падежных универсалиях. - Вестн. МГУ, Сер. Филол., 1966, № 6, с. 54.
- 15 С т е б л и н - К а м е н с к и й М.И. Грамматика норвежского языка. М.; Л., 1957, с. 50.
- 16 С т е б л и н - К а м е н с к и й М.И. Об основных признаках грамматического значения. - Вестн. МГУ, 1954, № 6, с. 169.
- 17 P i t k ä n e n A. Op. cit., s. 158.
- 18 S o l l i n d e r B. Svensk språklära. Lund, 1974, s. 31.
- 19 T h o r e l l O. Op. cit., s. 47, 48.
- 20 В е с к м а n N. Op. cit., s. 40, 41.

- 21 J e r s i l d P.C. En levande själ. Stockholm, 1962.
 22 A n d e r s o n M. Maria från Borstahusen. Stock-
 holm, 1962.
 23 H n q u i s t P.O. Tribadernas natt. Stockholm, 1975.

A.V. Savitskeja

Problem vid den semantiska analysen
 av genitiv kasus i modern svenska

I artikeln berörs de teoretiska problem som uppstår vid en semantisk analys av genitiven i det moderna svenska språket. Genitivkonstruktioner har fortfarande en stor betydelse i det svenska språksystemet. Sådana konstruktioner kan indelas i ett stort antal semantiska grupper, vilket visar att det är möjligt att fastställa genitivens grundbetydelse. En analys av den nyaste svenska litteraturen visar att det är inte alltid ett tillhörighetförhållande som dominerar i genitivens semantik.

C.M.Севандер

A. СТРИНДБЕРГ. "РАССКАЗЫ О БРАКЕ"

Великий шведский писатель Август Стриндберг известен в мировой литературе прежде всего как драматург. Наряду с такими классиками европейской литературы, как Чехов, Ибсен, Пирранделло, Шоу и Гауптман он является создателем направления "новой драмы".

Его творческая деятельность, неровная, противоречивая, оставила яркий след как в развитии национального театра Швеции, так и в мировом драматургическом искусстве.

Одним из наиболее значительных периодов творческого пути Стриндберга-драматурга являлась вторая половина 80-х годов: в это время он написал лучшие из своих так называемых натуралистических пьес - "Отец", "Грёкен Инна", "Товарищи", "Кредиторы" (1887-1889). Созданием этих произведений предшествует появление прозаического сборника "Рассказы о браке" (1884-1886), анализ которого позволяет глубже понять проблематику пьес, точнее определить их место в идейной и творческой эволюции писателя. В этих рассказах Стриндберг впервые обратился к теме, которая волновала его затем на протяжении всего литературного